

Письма изъ деревни.

Письмо VII. *)

Это было давно очень давно, когда я былъ еще ребенкомъ. А все-таки я помню многое весьма отчетливо и подробно.

Мы выжили въ деревнѣ нѣсколько лѣтъ подрядъ. Я конечно и не думалъ скучать. Зимой — салазки, свѣжки, горы; по вечерамъ, сказки моей няни или ученіе съ матерью по «Елкѣ», очень хорошей книгѣ, которой теперь нигдѣ и не увидишь.

Весною и лѣтомъ столько удовольствія, что и не перечесть. Осенью—охота, т. е. конечно охота не настоящая, а игра въ охоту. И въ другія времена года играешь въ охоту, но играешь какъ-то вяло, однообразно. Осенью—другое дѣло. Отецъ съ утра увѣзжаетъ на охоту.

Видишь всѣ приготовленія. Своры, кинжалы, арапники всегда на глазахъ въ передней на столѣ, подъ зеркаломъ. Утромъ слышишь, какъ отецъ дѣлаетъ распоряженія: какую собаку дома оставить, на какой лошади кому ѣхать; посылка выжлятника впередъ въ какую нибудь деревню, чтобы кричанъ собрать и осмотрѣть, нѣтъ-ли гдѣ въ островѣ скотины; подбѣганіе къ градусникамъ, нетерпѣливое и сердитое постукиваніе по барометрамъ; затѣмъ завертываніе завтрака въ бѣлую бумагу, одѣваніе и выходъ на крыльцо отца. Немедленно влѣзаешь на стулъ въ залѣ смотрѣть въ окно. Мать еще спитъ, а то навѣрно отъ окна отогнала-бы и няню побранила-бы: «развѣ вы не чувствуете, нянюшка, какъ отъ окна дуетъ? Можно-ли ребенка въ окну пускать? Сойди со стула, Миша, сойди сейчасъ! Говорятъ тебѣ—сойди!» Ну а теперь можно. Балов-

*) См. Апрель 79 г.—Письма I и II; Февраль 80 г.—III и IV; 1881 Сентябрь V; Сентябрь 82 г.—VI.

нища няня крѣпко держать сзади за подпояску, иногда лишь робко озираясь на дверь, въ которую можетъ войти матѣ. А въ окно все прекрасно видно.

Вонъ вдали за оголенными вязами и ясенями виднѣются гончія. Лошадь довѣзжачаго стоитъ такъ смирно, грустно опустивъ голову. Я отлично знаю эту лошадь. Это—Бекъ. Когда я спросилъ разъ кучера, какого она цвѣта, онъ отвѣтилъ:—соловой. Такое для меня необычное, незнакомое слово, и мнѣ все хочется сказать: розовый.

Лѣтомъ на этомъ Бекѣ разъ матъ верхомъ ѣздила, но, вернувшись, осталась почему-то недовольна. А вотъ сзади выжлятникъ, на рыжемъ Беркутѣ. Этотъ стоитъ неспокойно, сѣменить ногами и дереть голову кверху. Дальше еще видны два борзятника, ведущіе въ поводу лошадей, а за ними что-то много собакъ, разобрать только трудно, какія собаки. Но это все не такъ интересно, а главный интересъ тутъ, предъ глазами, у крыльца. Тутъ стоитъ мой любимый старый охотникъ отцовскій, Тимоѣй Петровъ, имѣющій обыкновенно мрачное и недовольное лицо, но въ сущности добрейшее существо, охотно вступающій въ разговоры со мной. Не разъ говаривалъ онъ мнѣ своимъ вѣчно осипшимъ голосомъ: «занятная Вы персонка, Михайлѣ Сергѣевичъ, славный охотничекъ изъ Васъ выйдетъ.» Теперь я ему киваю головой, но онъ что-то нелюбезенъ: снялъ шапку, поклонился, но затѣмъ сталъ смотрѣть въ другую сторону; вотъ онъ затѣмъ-то сердито дернулъ за чумбуръ своего горбоносаго длиннаго Гнѣдаго, такъ сильно, что гнѣдой затрясъ головой и сталъ задираť морду все выше и выше; а вотъ мой любимецъ началъ выпрастывать свору, черезъ которую переступила одна изъ его собакъ. Еще ближе, у самага крыльца, долженъ сейчасъ сѣсть на лошадь отецъ. Кучеръ Константинъ одною рукою держитъ его сѣраго Анчара за чумбуръ, а другою упирается лошади въ задъ, принуждая ее стать вровень съ крыльцомъ, чтобы отецъ могъ прямо сѣсть въ сѣдло, не ступая ногой въ грязь. Анчаръ нетерпѣливо переступаетъ ногами и нехотя относитъ задъ въ сторону крыльца. Собаки отцовской своры стоятъ тутъ-же передъ самой мордой лошади и машутъ хвостами. Вотъ Константинъ снялъ шапку, собаки бросились въ сѣни, значить отецъ идетъ. Вотъ и отецъ. Онъ что-то говоритъ, но вставлены двойныя рамы и ничего не слышно. Бѣлый, нахальный Побѣдимъ, который еще такъ недавно огрызнулся на меня, когда я только хотѣлъ его погладить, прыгнулъ на спину отца и уперся въ нее передними лапами. Я вижу, какъ

отец сердито отпихнулъ его отъ себя. Камердинеръ Федоръ, вышедшій тоже на крыльцо, кинулся счищать грязь съ казакина отца обшлагомъ своего скюртука, но я вижу, что онъ несчищаетъ, а только размазываетъ. Вотъ отецъ садится на лошадь, тронулся. Тимоеей Петровъ тоже садится на лошадь и ѣдетъ за отцомъ, что-то сумрачно ему рассказывая.

Еще нѣсколько секундъ они мнѣ видны, какъ они миновали гончихъ, какъ добѣзжачій со стаей повернулъ за ними, но вотъ они скрылись за амбаромъ и я задумчиво гляжу на флюгеръ, который, разинувъ свою зеленую пасть и высунувъ свой красный языкъ, изрѣдка вздрагиваетъ на крышѣ амбара. «Сойди, голубчикъ, поиграй самъ въ охоту», выводить меня изъ моей задумчивости голосъ няни.

Другая картина приходитъ мнѣ на память. Сумерки. Играешь себѣ въ дѣтской и вдругъ слышишь торопливые шаги отца и его громный голосъ: «Миша, Миша! пойдѣ сюда! Я волка затравилъ!» Радостно бѣжишь ему на встрѣчу и въ корридорѣ сталкиваешься съ нимъ. «Одѣвайся скорѣй и иди съ няней на псарный дворъ, посмотри волка». Мать протестуетъ, находитъ, что поздно, сыро, холодно, но няня и сама любопытствуетъ, а потому побѣда остается за нами, и сломя голову я бѣгу на псарный дворъ, такъ что няня далеко остается назади. У самыхъ дверей я натываюсь на какую-то массу. Вытороченный волкъ безсильно и какъ-то торжественно покорно лежитъ предо мною. Заднія ноги вытянуты въ струну; одна передняя лапа крестъ на крестъ легла на другую; черный языкъ какимъ-то ненужнымъ кускомъ выглядываетъ изъ полуоткрытой пасти; на боку красноватые пятна. Полное невозможное спокойствіе. Одни уши только какъ будто во что-то вслушиваются и бодро стоятъ конемъ. Тутъ-же двѣ какія-то борзые тупо и безцѣльно глядятъ въ пространство; отъ грязной и мокрой псовины распространяется тяжелый запахъ. Тимоеей Петровъ въ разстегнутомъ полукафтанѣ лѣсково глядитъ на меня. «Вотъ когда будете съ папашу, тоже волковъ травить станете», говоритъ онъ мнѣ, приподымая за ухо волчью голову. Вдругъ отъ волка пахнуло чѣмъ-то до того отвратительнымъ, что вонь заставила меня отвернуться. «Ухъ, мерзость какая, говоритъ няня, пойдѣмъ-ка домой, голубчикъ». Мы уходимъ, а за нашей спиной слышенъ короткій, ироническій смѣхъ Тимоея Петрова.

Волковъ мнѣ не часто доводилось видать, но лисицъ и зайцевъ нерѣдко. Особенно я любилъ на нихъ смотрѣть, когда они, еще не вытороченные, висѣли на сѣдлахъ и болтались при движеніи.

нии лошади. Желтые и красноватые лисицы так ловко и плотно охватывали круп лошади, мѣрно ударяя пушистыми хвостами при каждом ея движеніи; миленькіе зайчики, какъ игрушечки какія нибудь, такъ аккуратно висѣли головками внизъ, съ настороженными ушами и покраснѣвшими отъ крови усами. Вообще всѣ эти звѣри—волки, лисицы, зайцы—никогда не представлялись мнѣ въ видѣ чего-то за нѣсколько часовъ живого, бѣгавшаго и лишь теперь насильственно приведеннаго въ неподвижное состояніе. Я никогда травли вблизи не видалъ, не видалъ какъ отбиваютъ звѣря отъ собакъ, какъ его прикалываютъ или пришибаютъ. Правда я бывалъ изрѣдка на охотѣ, но меня брали лишь въ Барановскій лѣсъ, крѣпкую, круглую вершину, въ формѣ котловины, находящуюся верстахъ въ двухъ отъ нашей усадьбы. Туда ѣзжали всѣ: мать, няня, горничныя, всѣ отправлялись въ долгушѣ и становились на перемычкѣ, у лѣсной сторожки, вмѣстѣ съ кричанами, долженствовавшими не пускать звѣря въ прилегавшій въ этомъ мѣстѣ другой островъ. Съ этого пункта намъ были видны всѣ борзятники, занимавшіе лѣсы на возвышеніи кругомъ острова. Гонъ бывалъ слышенъ превосходно и всякая травля происходила на нашихъ глазахъ. Но какъ неясно и непонятно для меня происходила травля. Видишь, бывало, какъ какая-то фигура, доселѣ неподвижно стоявшая, тронулась; на ясномъ фонѣ неба видишь, какъ эта фигура стала колыхаться все быстрѣе и быстрѣе. «Поскакалъ, поскакалъ», говорятъ кругомъ. Отъ этой фигуры стали отрываться какія-то свѣтлыя и темныя палочки.

«Собаки помѣтили», замѣчаетъ съ козелъ кучеръ Константинъ большой охотникъ въ душѣ, но очень плохой на дѣлѣ. Бѣжавшаго звѣря по большей части не удавалось разглядѣть. Видно только, какъ палочки закружились на мѣстѣ разъ, два, потомъ опять вытянулись. Вотъ еще разъ закружились и образовали изъ себя кучку: совсѣмъ какъ въ калейдоскопѣ. Вотъ и колыхавшаяся фигура приблизилась и остановилась. «Славно, ловко, какъ Наградка угнала, Побѣдимъ и подхвати!» болтаетъ на козлахъ Константинъ, очевидно своимъ воображеніемъ дополняющій то, чего на самомъ дѣлѣ и не видалъ. «Это папа лисицу затравилъ», наклоняется ко мнѣ мать, смотрѣвшая на травлю все время въ бинокль. А мнѣ этого мало. Я думаю о томъ, какъ это я буду представлять, вернувшись домой, какъ папа лисицу затравилъ—и совершенно недоумѣваю.

Обыкновенно дома самъ отецъ выводилъ меня изъ недоумѣнія, принимая участіе въ моихъ играхъ, разставляя лошадокъ и

собачекъ или бѣгая со мною по корридолу съ громкимъ улюлюканьемъ и атуканьемъ. Да еще разговоры, приходящаго по вечерамъ къ отцу, послѣ корма собакъ, Тимофея Петрова, помогали моему воображенію. Но я все-таки чувствовалъ, когда игралъ въ охоту, что это совсѣмъ не то, не то.

Но вотъ, когда мнѣ было уже семь или восемь лѣтъ, мнѣ впервые удалось видѣть травлю очень близко, но эта травля произвела на меня столь тяжелое впечатлѣніе, что даже теперь, будучи уже давно псовымъ охотникомъ, какъ только вспомню о ней, такъ мнѣ становится грустно и какъ-то стыдно.

У отца всегда воспитывались молодые лисенята, которыхъ обыкновенно приносили къ намъ, еще весною, въ темномъ пушку, мужики и особенно пастухи изъ разныхъ, даже отдаленныхъ мѣстностей, выкуривая и выкапывая ихъ изъ норъ. Эти лисенята жили у насъ мѣсяца 2 или 3, питаясь галчатами, молодыми грачами, обрѣзками говядины и т. п. Когда приходило время ихъ выпускать, то ихъ сажали въ мѣшокъ, несли въ назначенное мѣсто и выпускали поодионочкѣ, отрѣзая имъ кончикъ праваго ушка для мѣтки. Эту операцію я не очень долюбивалъ. Хотя они и не визжали и не кричали, но я понималъ, что имъ должно быть больно, и когда, бывало, изъ подъ острыхъ ножницъ отскакивать черненькая, шелковистая часть ушка и на розовой, лоснящейся кожицѣ, точно испарина, выступать мелкія капельки крови, я невольно отвертывался и жмурился. Но это непріятное впечатлѣніе тотчасъ проходило, когда пущенный лисенокъ, дѣлая уморительныя увертки, то подымая, то опуская свой буренькій хвостикъ, неся къ находящемуся передъ нимъ лѣсу, а я съ дикимъ крикомъ, держа въ рукѣ какую нибудь деревянную собачку, бѣжалъ за нимъ, спотыкаясь, падая и снова вскакивая, пока звѣрекъ не скрывался въ кустахъ.

Но вотъ разъ весною, намъ привезли откуда-то, издалека, трехъ волчатъ. Какъ теперь помню этого мужика, ихъ привезшаго, стоящаго у насъ въ сѣняхъ, а передъ нимъ кошелку, увязанную грязной рѣдинкой. Въ сѣняхъ народу много: буфетчикъ, камердинеръ, горничныя и т. д. Всѣ съ любопытствомъ посматриваютъ на кошелку, но не развязываютъ ее въ ожиданіи отца. Но вотъ приходитъ отецъ, и мужикъ осторожно распутываетъ веревку и приподымаетъ край рѣдинки. Я, присѣвъ на корточки, заглядываю внутрь и вижу какіе-то три темненькіе комочка, неподвижно лежащіе, плотно прижавшись другъ къ другу. Мужикъ беретъ одинъ изъ комочковъ и приподымаетъ на воздухъ. Безъ

помощно висить волченюкъ. Толстые пальцы мужика крѣпко держать его за шиворотъ. Головка нѣсколько подавалась впередъ. Мордочка полуоткрыта и испуганные глазки уставились куда-то въ пространство. Переднія лапки подогнуты, какъ у учёной собачки, танцующей подъ звуки шарманки; заднія ножки судорожно подергиваются, ища подъ собою опоры. Когда въ послѣдствіи мнѣ приходилось читать, какъ людей вѣшаютъ или когда на картинахъ я видалъ повѣшенныхъ, мнѣ всегда приходила на память эта сцена съ волченкомъ. Волченятъ выпустили всѣхъ трехъ на полъ и они тотчасъ же отправились въ уголъ, поцарапали лапками стѣну, а затѣмъ, съежившись и уткнувъ свои мордочки въ плинтусъ, такъ и замерли. Ихъ передали подъ непосредственное наблюденіе поваренку Мишкѣ и посадили въ подвалъ близъ кухни, называвшійся у насъ «Гарманжа».

Скоро я позабылъ совсѣмъ о волченятахъ. Какъ-то никто не упоминалъ о нихъ, никто о нихъ не спрашивалъ, и такъ прошло вѣроятно мѣсяца два или три. Только, разъ возвращаясь послѣ перваго звонка къ обѣду изъ сада съ женой, я увидалъ на крыльцѣ отца и передъ нимъ стоящихъ Тимофея Петрова и птичницу Авдотью Тихоновну. Послѣдняя держала за ногу большую желтую курицу. Курица была мертвая, вся взъерошенная, съ распущенными крыльями; вмѣсто глазъ были видны бѣлыя тѣсно сомкнутыя вѣки. Тимофеей Петровъ угрюмо смотрѣлъ куда-то въ сторону. Авдотья Тихоновна была вся красная и говорила съ азартомъ. «Ну что же дѣлать, что же дѣлать, раздался голосъ отца, отъ этихъ хортыхъ всегда бѣда». Посади, Тимофеей, этого мерзавца, Озарнаго, снова на псарню, ну а курицу снеси наконецъ волкамъ. Кстати. Я давно ихъ не видалъ. Они вѣроятно очень выросли. Мишукъ, обратился онъ ко мнѣ, хочешь, сходимъ волковъ посмотрѣть?»—И мы пошли. Поваренюкъ Мишка поспѣшно отомкнулъ висячій на двери замокъ, отецъ взялъ меня на руки и осторожно протиснулся со мною въ полуотворенную дверь. За нами вошелъ и Мишка. Сначала я ничего не могъ разглядѣть, такъ въ подвалѣ было темно, и свѣтъ едва пробивался сверху сквозь узенькія окошки. Меня охватило холодомъ, сыростью и непріятно поразилъ тяжелый и рѣзкій запахъ. Присмотрѣвшись въ темнотѣ, я увидалъ въ углу стоящій ребромъ большой, бѣлый ящикъ, дномъ обращенный къ намъ. Мишка палочкой колотил по этому ящику. Одинъ волченюкъ выскочилъ, быстро пронесся кругомъ всего подвала, прыгнулъ къ окну, уцѣпившись за камен-

юркнулъ за ящикъ. «Довольно, довольно, не мучь ихъ», сказалъ отецъ, и мы вышли изъ этой волчьей тюрьмы.

Мнѣ стало очень грустно. Я какъ разъ незадолго передъ этимъ прочелъ, въ издававшемся въ то время дѣтскомъ журналѣ «Подснѣжникъ», разсказъ о томъ, какъ какой-то злодѣй, графъ Бруно, томилъ какихъ-то несчастныхъ въ сырыхъ подземельяхъ своего замка Ариштейнъ. Мнѣ такъ и представилось, что Мишка и есть тотъ самый графъ Бруно, а волченята его несчастные невинные плѣнники, которыхъ онъ мучить и пытается.

Но вотъ незамѣтно и неожиданно подкралась и осень. Перваго Сентября отецъ, въ жару и сушь, *rag acquis de conscience*, взялъ мелкія вершинки около дома. Затѣмъ начались короткіе вечерніе или утренніе выѣзды, и брались мѣста все недалнія, такъ какъ, по случаю все продолжающихся жаровъ, серьезной охоты начинать было невозможно. Барометръ былъ до безнадёжности упрямъ: онъ бодро и настойчиво держался очень высоко. Но всякимъ невзгодамъ бываетъ конецъ. Однажды за вечернимъ чаемъ, отецъ, подошедши къ барометру, вдругъ радостно воскликнулъ: «падаетъ, падаетъ». А на другой день, проснувшись утромъ, я прислушался, и точно: по оконнымъ стекламъ однообразно барабанили дождевыя капли. Въ тотъ-же вечеръ было получено приглашеніе отъ кн. Г. прибыть на послѣзавтра въ село Ломцы, для совмѣстнаго нападенія на наивѣрнѣйшій выводокъ волковъ. Кто изъ охотниковъ не знаетъ того чувства, которое охватываетъ душу при этихъ магическихъ словахъ: «вѣрный выводокъ волковъ»? Невольно впадаешь въ какое-то возбужденное состояніе, чувствуешь небывалую бодрость и какую-то ребяческую отвагу, точно идешь противъ непріятельской арміи и собираешься дать генеральное сраженіе. А мучительное колебаніе насчетъ выбора лазовъ и размѣщенія своръ? Поставить налѣво отъ себя Петра или Ивана? Завалиться-ли нѣсколько назадъ, чтобъ совсѣмъ не былъ виденъ тотъ знакомый дубовый кустикъ, что торчитъ около дороги направо, или, напротивъ того, выдвинуться впередъ, стать близъ кустика и открыть нѣсколько лазъ налѣво, съ цѣлью показывать звѣря впоперечъ? И къ чему это въ нынѣшнемъ году тамъ зелени? А ну какъ волки всѣ станутъ проситься на безнадѣжный лазъ къ Ольховцу, въ виду находящагося тамъ высокаго сжатого жнивья? Конечно тогда для меня всѣ эти тревоженія и стратегическія соображенія не существовали. Тогда для меня было непонятно, почему отецъ неутомимо шагаль по залу изъ угла въ уголъ, нетерпѣливо отвѣчая на мои вопросы, почему за чаемъ

онъ былъ такъ сосредоточенъ и задумчивъ, почему, явившійся въ переднюю, Тимофей Петровъ, мрачно глядя куда-то въ сторону, не пожелалъ вступить со мною въ разговоры. Вышедшій вслѣдъ за мною въ переднюю, отецъ прямо приступилъ къ разсужденію о предстоящей охотѣ съ вопроса: «ну какъ ты полагаешь, Тимофей Петровъ, не осраимся?» Тимофей Петровъ спокойно отвѣчалъ въ томъ смыслѣ, что сраму никакого не можетъ произойти, такъ какъ не говоря уже о прибылыхъ, пожалуй и старикъ у насъ не сорвется, если только стать потѣснѣ. Но въ виду того, что собаки наши, по большей части, всѣ по первой осени, не мѣшало-бы завтра потравить тѣхъ волченятъ, которые сидятъ въ подвалѣ «для возбужденія въ молодыхъ аппетита». Отецъ поморщился. Онъ находилъ, что волченята малы и что ранѣе Ноября ихъ жадко травить. Но послѣ продолжительныхъ колебаній и разсужденій, было рѣшено, что завтра, все-таки, устроится садка, но только сажать будутъ одного лишь самаго крупнаго изъ волченятъ, и колоть его не будутъ, съ тѣмъ чтобы позднѣе осенью затравить окончательно. О, какъ мнѣ захотѣлось посмотрѣть, какъ будутъ травить волка! Но какъ попроситься? За отца я ручался, но уговорить мать мнѣ казалось весьма труднымъ. Я такъ и не рѣшился заговорить объ этомъ дѣлѣ и ушелъ спать въ страшномъ волненіи. На другой день я проснулся рано, и первымъ дѣломъ въ одной рубашонкѣ подбѣжалъ къ окну и приподнялъ стору. День оказался свѣтлый, хорошій; взглянулъ на деревья и на флюгеръ: и деревья, и флюгеръ успокоили меня насчетъ отсутствія вѣтра. Значить со стороны погоды препятствій не будетъ. Я зналъ, что садка будетъ тотчасъ послѣ завтрака и все утро до самаго завтрака не рѣшался приступить съ просьбами. За завтракомъ я сидѣлъ смущенный и ничего не ѣлъ, такъ что мать обратила на это вниманіе и спросила меня здоровъ-ли я. Я отвѣтилъ, что здоровъ, но что мнѣ ужасно хочется посмотрѣть, какъ волка будутъ травить. Мать сдвинула брови и сказала что-то по французски отцу. Отецъ горячо возразилъ и послѣ короткаго и оживленнаго спора, мнѣ было возвѣщено, что меня возьмутъ на садку, но что я буду смотрѣть издали, а близко меня не пустятъ.

Сейчасъ послѣ завтрака началась суетня, бѣготня. Я надѣлъ поддевку, подпоясался ремешкомъ, прицѣпилъ къ нему свой маленькій черкесскій кинжалъ, настоящій кинжалъ, который однако былъ прилаженъ такъ, что его никоимъ образомъ изъ ноженъ вытащить я не могъ; схватилъ кнутъ, нахлобучилъ шапку и въ сопровожденіи нянюшки выбѣжалъ на крыльцо. Въ это время мимо

трыльца провозили въ телѣгѣ несчастнаго плѣнника. Волченокъ былъ упрятанъ въ мѣшокъ, но голова его была наружу и лежала на телѣжной грядкѣ, обращенной ко мнѣ. Конюхъ Демьянъ, стоя въ телѣгѣ на колѣняхъ, обѣими руками вцѣпился ему въ шпироть и держалъ крѣпко. Ушей у волка я совсѣмъ не замѣтилъ, до того они плотно были прижаты къ затылку, но зато глаза его я вижу до сихъ поръ свѣтло-желтые, точно стеклянные, они вращались изъ стороны въ сторону, казалось безо всякаго выраженія—страданія или страха. Очевидно, что онъ, будучи вытащенъ изъ темнаго подвала на яркій дневной свѣтъ, какъ-бы ослѣпъ. Но несмотря на безстрастное выраженіе этихъ глазъ, меня поразило въ нихъ то, что имъ подобныхъ я не видалъ ни у одного домашнего животнаго. Они были не изъ моего обыденнаго окружающаго меня міра, какіе то для меня чужіе, дикіе и, какъ мнѣ показалось, гордые. Дышалъ волченокъ тяжело и быстро.

Въ верстѣ отъ дому находится у насъ маленькій, но крѣпкій хохолокъ, десятины съ двѣ не больше, подъ названіемъ «Орѣховецъ». Это мѣсто и было выбрано для садки. Волченокъ былъ выпущенъ въ этотъ хохолокъ. Вслѣдъ за нимъ вѣхалъ доѣзжачій Егоръ съ четырьмя молодыми, по первой осени гончими. Съ трехъ сторонъ хохолокъ былъ окруженъ деревенскими мальчишками, четвертая сторона была открыта, и на овсянѣхъ были видны три неподвижно стоящихъ, на довольно значительномъ другъ отъ друга разстояніи, борзятника, держащихъ по парѣ молодыхъ собакъ на сворахъ. Отецъ верхомъ то вѣзжалъ въ островокъ, то снова показывался на опушкѣ. Послѣ крайняго кричащаго мальчика, уже въ полѣ, близъ самой канавы, окружающей Орѣховецъ, стояла телѣга, привезшая волка, а недалеко отъ телѣги стояли мы, зрители. А зрителей было много: тутъ были и горничныя, и поварь, и служащіе по экономіи, и рабочіе и Мишка, воспитатель волковъ, съ азартомъ рассказывавшій публикѣ, какъ долго волченокъ не давался и какъ даже укусилъ ему палець, причемъ показывалъ и самый палець, обмотанный въ грязную тряпицу.

Рядомъ со мною стоялъ нашъ фельдшеръ Николай Епифанычъ, нашъ мѣстный Донъ-Жуанъ, обязательно объяснявшій мнѣ всѣ стратегическіе планы, направленные на погибель волченка.

Только что Егоръ вѣхалъ въ Орѣховецъ, какъ залилась одна гончая, а къ ней тотчасъ подвалили и другія. «Попался, голубчикъ, врешь, не отдѣлаешься», слышалось въ толпѣ. Но Николай Епифанычъ отнесся скептически къ этому гону: «кажется просто врутъ, молодые балуютъ, вотъ и все». И онъ оказался правъ. Гончія тотъ-

часть, смолкли и началось заунывное порсканье нашего глуховатаго добъзачаго Егора. Продолжалось это долго, такъ долго, что любопытная публика пришла въ томленіе. Николай Епифанычъ продолжалъ стоять около меня и неумолимо критиковалъ всѣ распоряженія отца. Изъ его словъ я понималъ только то, что волкъ, забившись вѣроятно подъ какой нибудь кустъ, притаился и что гончія его ни за что не найдутъ, ибо онѣ и понятія о волкахъ не имѣютъ, да и волкъ-то, проживъ всю свою юность въ подвалахъ, «изъ себя волчьяго духа испускать не будетъ».

Одинъ изъ неподвижно стоявшихъ вправо отъ насъ борзятниковъ, тронулся и быстро сталъ приближаться къ намъ. Это былъ Тимошей Петровъ. Проѣхавъ мимо насъ и взглянувъ въ нашу сторону съ какимъ-то недобрымъ озлобленнымъ выраженіемъ, онъ остановился близъ тележки, слѣзъ съ лошади, и передалъ ее конюху Демьяну; снялъ съ себя свору и передалъ своихъ собакъ тому-же Демьяну.

Затѣмъ быстро зашагалъ на своихъ короткихъ, кривыхъ ногахъ къ Орѣховцу.

Собаки завизжали, вытянувъ свору въ струну и махая хвостами стали тянуться за уходившимъ Тимошеемъ Петровымъ. Въ толпѣ послышались одобрительныя восклицанія: «Не выдержалъ, старый! Этотъ спуску не дастъ! Этотъ его разыщетъ! Этотъ его руками возьметъ, а въ поле вытащитъ!» О какомъ героемъ показался мнѣ тогда Тимошей Петровъ! Много лѣтъ спустя, читая «Войну и Миръ», въ томъ мѣстѣ, гдѣ описывается, какъ подъ Шенграбенемъ Багратіонъ самолично повелъ пѣхоту въ атаку противъ французовъ, я вдругъ вспомнилъ Тимофея Петрова и не иначе могъ себя представить Багратіона, какъ въ образѣ нашего стараго охотника, направляющагося къ Орѣховцу.

Когда Тимошей Петровъ, съ трудомъ перебравшись черезъ ровъ, скрылся въ островѣ, всѣ зрители явно пріободрились. И точно ждать намъ пришлось недолго: мы вдругъ услышали хриплое улюлюканье старика и затѣмъ отчаянныя забрекиванья одной изъ гончихъ. Что-то небольшое, сѣрое мотнулось по валу, на секунду пріостановилось и тотчасъ бросилось въ канаву, въ тоже мгновеніе мелькнула на валу молодая выжловка Крикса, заливавшаяся отчаяннымъ лаемъ, и тоже бросилась въ канаву; за ней показалась еще одна гончая, которая побѣжала по гребню вала по направленію къ намъ. «Къ намъ бѣжить, къ намъ бѣжить» слышались

голоса кругомъ меня—и всѣ мы опрометью бросились мимо телѣги къ Орѣховцу. Тѣмъ временемъ Демьянъ, не удержавъ рвавшихся изъ его рукъ собакъ, спустилъ ихъ со своры и, когда мы подбѣжали къ канавѣ и заглянули въ нее, то намъ представилась слѣдующая картина. Хортый кабелъ Озарной, вцѣпившись къ шиворотъ волку, трепалъ его, какъ иногда молодые щенки треплютъ какую нибудь вотошку; этому трепанью впрочемъ нѣсколько мѣшала Крикса, которая, захвативъ волка за заднюю ногу, тянула его изо всей мочи къ себѣ, упираясь въ землю передними лапами. Около себя я замѣтилъ псового бѣлаго Бая, который изступленно лаялъ на эту сцену, но не рѣшался броситься внизъ. На той сторонѣ канавы показался отецъ верхомъ съ какимъ-то краснымъ сконфуженнымъ лицомъ и запыхавшійся Тимошей Петровъ. Тутъ же я увидалъ Егора, бросившаго лошадь и сползающаго въ канаву. Всѣ кричали, улюлюкали, толкались. Внезапно среди насъ показались еще борзые собаки. Двѣ изъ нихъ столь стремительно бросились въ канаву, что прямо съ налету попали на Озарнаго; произошла какая-то свалка, раздался собачій визгъ и вдругъ прямо на меня сталъ выдираться наверхъ волченокъ и снова я увидалъ эти свѣтлые, желтые глаза, но въ нихъ уже не было прежней безстрастности: они были полны выраженія смертельнаго ужаса. Но я не знаю, какъ все кончилось. Я почувствовалъ только, какъ меня кто-то тянетъ за руку, и поднявъ голову, я увидалъ поблѣднѣвшую, какъ полотно, няню, которая тащила меня за руку по дорогѣ къ дому. «Бѣдняжка, бѣдняжка, шептала няня, ну ужъ угостилъ охотой папаша,—нечего сказать, добру учить ребенка». Я былъ до того смущенъ и растерянъ, что не въ силахъ былъ вымолвить слова.

Когда мы стали приближаться къ пруду, насъ обогнала телѣга. Въ телѣгѣ, какъ и въ первый разъ, стоялъ на колѣняхъ Демьянъ и что-то держалъ руками, но волка я не могъ разглядѣть. Телѣга остановилась у пруда, близъ плота, гдѣ бѣлье моютъ. Демьянъ слѣзъ и сталъ что то тащить изъ телѣги. Въ это время мы подошли ближе, и я увидалъ, что Демьянъ тащить изъ телѣги волка. Онъ опять былъ втиснутъ въ мѣшокъ, но я такъ и вздрогнулъ, увидавъ, что мѣшокъ былъ весь въ кровавыхъ пятнахъ. Одной рукой Демьянъ поддерживалъ мѣшокъ, а другой приподымалъ волчью голову, держа ее за шиворотъ. Несчастный волченокъ дышалъ чрезвычайно быстро; пасть была открыта, а изъ нея висѣлъ длинный, тонкій язычекъ, находившійся въ постоянномъ дрожаніи,

съ котораго капала кровавая слюна. Поразившіе меня желтые глаза уже не были стеклянные: они были полузакрыты и имѣли скорѣе выраженіе утомленія и какой-то собачьей покорности судьбѣ. «Грѣхководники, завопила няня, мало вамъ было его мучить, топить его теперь вздумали». Демьянъ усмѣхнулся. «Эхъ вы, сердобольная душа, вымолвилъ онъ, это я его покупать вздумалъ для освѣженія, а то вишь какъ упыхался, пару-то ему ловко задали».

Самаго процесса купанія мы не видали, такъ какъ няня еще стремительнѣе повлекла меня впередъ. А у меня уже въ горлѣ клокотали слезы и когда я добрался до дому, то такъ и бросился на свою кроватку и залился горькими слезами.

Вскорѣ вернулся и отецъ и я помню, какъ до меня доносился изъ гостиной его горячій разговоръ съ матерью на французскомъ діалектѣ.

А волченокъ не дожилъ до ноября. Черезъ нѣсколько дней его не стало.

М. С.
